

2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. - М.: Высшая школа, 1993. - 175 с.
3. Грин, А. А. Страдающий наставник: Жизнь и учение рабби Нахмана из Брацлава / А. А. Грин. - М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2007. - 488 с.
4. Нахман из Брацлава, рабби. Рассказы о необычайном / рабби Нахман из Брацлава; сост., предисл. и коммент. рабби А. Штейнзальца. - М.; Иерусалим: Ин-т изуч. иудаизма в СНГ, 2000. - 448 с.
5. Синило, Г. В. Песнь Песней в контексте мировой культуры в 2 кн. Поэтика Песни Песней и её религиозные интерпретации / Г. В. Синило. - Минск: Экономпресс, 2012. Кн. 1. - 680 с.
6. Штейнзальц, А. Предисловие; Комментарии / А. Штейнзальц // Рассказы о необычайном / рабби Нахман из Брацлава; сост., предисл. и коммент. рабби А. Штейнзальца. - М.; Иерусалим: Ин-т изуч. иудаизма в СНГ, 2000. - С. 7-31; 40-47; 71-101; 129-138; 158-176; 217-247; 279-305.

ДИАЛОГ БЕЛОРУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ИЗ ПОЭЗИИ Ф. ШИЛЛЕРА)

Е. А. Шмык

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

В статье исследуются переводы поэзии Ф. Шиллера на белорусский язык как один из аспектов диалога белорусской и немецкой культур. Особенности переводов позволяют маркировать специфику ментальности представителей обеих культур. Белорусские переводы передают настроения, интонации и ритмику оригиналов. В то же время переводчики нередко используют образы и мотивы, близкие белорусской культуре, чтобы сделать произведения Шиллера еще более понятными белорусам.

Ключевые слова: Ф. Шиллер, Ю. Гаврук, О. Лойко, баллада, ритм, образ, дольник.

DIALOGUE BETWEEN BELARUSIAN AND GERMAN CULTURES (ON THE EXAMPLE OF TRANSLATIONS FROM THE POETRY OF F. SCHILLER)

E. A. Shmyk

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,

Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

The article explores Belarusian translations of F. Schiller's poetry as one of the aspects of dialogue between Belarusian and German cultures. Some peculiarities of translations let us reveal the specific mentality of representatives of both cultures. Belarusian translators transmit mood, intonations and rhyme of the originals. At the same time translators often use images and motives which are close to Belarusian culture in order to make Schiller's works more transparent for Belarusian readers.

Key words: F. Schiller, J. Gavruk, O. Loiko, ballad, rhythm, image, «dolnik».

На протяжении всей истории развития белорусско-немецких культурных связей белорусские поэты обращались к творчеству Фридриха Шиллера. Талант этого немецкого писателя удивительно многообразен. Однако интерес к его творчеству был обусловлен не только этим фактом. Имя Шиллера навсегда стало символом чистоты чувств и свободы, пламенной защиты прав человеческой личности и всего человечества. «Через все творения Шиллера проходит идея свободы», — говорил Гёте в беседе с И. П. Эккерманом [5, с. 208]. Возможно, именно поэтому белорусского читателя и зрителя привлекали пьесы Шиллера, с неизменным успехом шедшие в театрах.

Знакомство белорусов с творчеством Ф. Шиллера происходит через посредничество русской и польской культур. Оно осуществляется благодаря театру и переводам произведений немецких писателей.

Начиная с 1840-1850-х гг. в белорусских театрах на русском и польском языках ставятся пьесы Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь», «Мария Стюарт». Позже, с появлением белорусскоязычных переводов, постановки осуществляются и на белорусском языке.

Первый перевод «Вильгельма Телля» на белорусский язык был выполнен Алесем Дударом в 1934 г. Примечательно, что «Вильгельм Тэль» в его переводе вышел отдельным изданием. Отметим, что Алесь Дудар создавал этот перевод в период между своими вторым и третьим арестами. Второе обвинение касалось причастности писателя к «Союзу освобождения Беларуси». Неслучайным кажется то, что именно после второго ареста Дудар

работает над переводом именно этой пьесы Шиллера, в которой подняты волнующие его темы. Второй раз в белорусской литературе за перевод «Вильгельма Телля» спустя почти 60 лет с момента выхода первого издания берется поэт и переводчик Владимир Попкович. Его перевод был включен в сборник «Скарбы сусветнай літаратуры» и издан в 1993 г.

За всю историю к поэзии Шиллера в своем творчестве обращались также такие деятели белорусской культуры, как Янка Лучина, Максим Богданович и Янка Купала. Некоторые исследователи отмечают, что творчеству молодого Купалы созвучен протестующий дух произведений Шиллера, находят близость между некоторыми образами пьес Шиллера, особенно «Вильгельма Телля», и купаловскими «Раскіданым гняздом» и «Сном на кургане».

Среди переводчиков шиллеровского наследия на белорусский язык следует также отметить Юрку Гаврука, который в 1928 г. издает сборник зарубежной лирики «Кветкі з чужых палёў». В этот сборник вошли и переводы некоторых стихотворений и баллад Шиллера. Кроме того, переводами стихов и баллад занимались Максим Лужанин, Нина Матяш, Василь Сёмуха, Владимир Клишевич, Евгений Беласин, Лявон Барщевский, Олег Лойко. Первый перевод трагедии «Коварство и любовь» на белорусский язык выполнил Кузьма Чорный. Позже, в 1993 г., для публикации в сборнике «Скарбы сусветнай літаратуры» Николаем Ермолаевым создается второй перевод этой пьесы. «Разбойников» на белорусский язык переводит Пимен Панченко.

Рассмотрим некоторые переводы стихотворений и баллад Шиллера на белорусский язык.

В 1795 г. Шиллер написал цикл стихотворений на философские темы, близких по смыслу его статьям по эстетике. Одно из наиболее интересных в этом цикле – стихотворение «Hoffnung» ("Надежда" "Надзея"). В русской культуре известен перевод этого стихотворения, выполненный А. А. Фетом. И в белорусской литературе поэты не раз обращались к этому произведению Шиллера. Два наиболее ярких перевода на белорусский язык принадлежат Юрке Гавруку и Олегу Лойко. Примечательно, что между переводами – больше полувека истории и развития белорусской культуры. Итак, рассмотрим оригинал стихотворения и перевод Ю. Гаврука. Для более точного сравнения приведем также подстрочный перевод.

Es reden und träumen die
Menschen viel
Von bessern künftigen Tagen,
Nach einem glücklichen
goldenen Ziel
Sieht man sie rennen und jagen.
Die Welt wird als und wird
wieder jung,
Doch der Mensch hofft immer
Verbesserung.

Die Hoffnung führt ihn ins
Leben ein,
Sie umflattert den fröhlichen
Knaben,
Den Jüngling locket ihr
Zauberschein,
Sie wird mit dem Greis
begraben,
Denn beschließt er im Grabe
den müden Lauf,
Noch am Grabe pflanzt er –
die Hoffnung auf.

Es ist kein leerer
schmeichelnder Wahn,
Erzeugt im Gehirne
des Toren,
Im Herzen kündigt es laut sich an:
Zu was Besserem sind wir
geboren!
Und was die innere Stimme
spricht,
Das täuscht die hoffende Seele
nicht [6].

Як многа аб шчасці марыць
людзей,
Аб будучым нашай планеты,
І, поўныя радасных, светлых
надзей,
Імкнуцца адважна да мэты.
Старэе свет, маладзее
свет:
У чалавека ў душы
прасвет.

З маленства вабіць
яго дабро.
З надзей заўсёды ён
дружыць:
Маладому паліць
яго нутро,
Старому за лекара
служыць.
Калі ж апускаецца ў яму
тру на,
З магілы жывою выходзіць
я на.

І гэта не прывід халодны,
нямы,
Трызненне мазгоў
недарэчных.
Для лепшае долі радзіліся
мы –
Гаворыць нам голас сардэчны.
Мелодыю сэрца свайго не
глушы,
З табою надзея – акраса
душы. [4, с. 38]

(Гавораць і мараць людзі шмат / Пра лепшыя будучыя дні, /
Да шчаслівай залатой мэты / Глядзіш, як яны бягуць і гоняцца. /
Свет стане старым і изноў маладым, / Але чалавек заўсёды спадзя-

ещца на паляпшэнне. // Надзея ўводзіць яго ў жыццё, / Яна завіха-
ещца ля вясёлых хлапчукоў / Юнака вабіць яе чароўнае ззянне, /
Яна будзе пахавана са старым, / Бо скончвае ён у труне свой стом-
лены бег, / Яшчэ ля труны надзея ўстае. // Гэта не пустое ліслівае
трызненне, / Стварае ў мазгах перашкоды / У самым сэрцы іуч-
на абвясчае аб сабе: / Для лепшага мы нарадзіліся! / А што кажа
ўнутраны голас, / Надзея не падманвае душу. — *Здесь и далее под-
строчный перевод наш. — Е. Ш.-).*

Перевод Ю. Гаврука, выполненный в 20-е гг. XX в., соответ-
ствует тогдашним народным настроениям и не просто передает со-
держание немецкого текста, но и наполняет его актуальными для
того времени смыслами и интонациями.

В первой строфе переводчик достаточно точно передает изна-
чальный смысл и содержание. Во второй строке вместо «будучых
дзён» использовано выражение «будучыня нашей планеты», и тем
самым перевод приобретает глобальные смыслы. Ведь теперь
люди не просто думают о своем следующем дне, но о будущем всех
людей. В четвертой строке изначальная «мэта» заменена «над-
зейей». Хотя эмоциональная окраска этих слов отличается, данная
замена вполне уместна и не сильно влияет на общую смысловую
картину стихотворения. А вот употребление слова «прасвет» в по-
следней строке первой строфы затрудняет правильное толкова-
ние строфы. Слово «прасвет» может употребляться как в положи-
тельном смысле (в значении «светлая полоса»), так и с некоторой
отрицательной окраской (в значении «свободное пространство,
пустота»). Исходя из общего настроения стихотворения, можно
сказать, что Гаврук употребляет это слово в первом значении
и исключительно в положительном смысле.

Вторая строфа в целом соответствует оригиналу. Жизнеутвер-
ждающие и оптимистические настроения, характерные для ори-
гинала, сохраняются в переводе. Однако нельзя не отметить тот
факт, что в некоторых моментах Ю. Гаврук более оптимистичен,
чем Шиллер. Например, строку «Sie wird mit dem Greis begraben»
(«Яна будзе пахавана са старым»), которая наполнена относитель-
но пессимистическим настроением, Гаврук переводит совершенно
иначе — «Старому за лекара служыць». Всем известная поговорка
«Надежда умирает последней» как у Шиллера, так и у Гаврука пе-
реосмысливается и даже отрицается.

Особое внимание хотелось бы обратить на последнюю строфу перевода. Именно здесь переводчик наиболее ярко проявляет свой талант и придает звучанию всего стихотворения еще больше уверенности и оптимизма. Надежда не просто «гучна абвяшчае» истину, она обретает свой собственный «сардэчны голас», «мелодыю душы». В последней строке стихотворения Гаврук называет надежду «акрасай душы», что не совсем соответствует оригиналу.

Рассмотрим перевод этого стихотворения у Олега Лойко:

Пра дзён лепшых вырай сусед гэты, той
Гамоніць і марыць многа,
Да мэты шчаслівай і залатой
Імкнецца ўбачыць дарогу, —
Свет старыцца і маладзее зноў век,
Пакуль пры надзеі ў ім чалавек.

Надзея вядзе за руку нас наўсцяж,
Хлапца да сябе радасць хіліць,
І месціццаў ёй юнаковы міраж,
І старасць яе не магіліць, —
Ёй, змучанай бегам, не спын — край магіл,
З магіл кветкай рэе пад небасхіл.

Не марай пустой, падлабуннай яна,
Не гаціць для думкі заторы,
Вяшчаючы сэрцам званчэй ад звана:
Народжаны жыць мы не ў горы, —
І ўсё, што бязголосна ў нас трымціць,
Душы абнадзеенай неўтаіць. [2, с. 123]

Перевод Лойко ближе к оригиналу, чем у Ю. Гаврука. Некоторые строки он переводит практически дословно («да мэты шчаслівай і залатой», «хлапца да сябе радасць хіліць»). Еще сильнее, чем в оригинале, звучит здесь оптимистическое убеждение переводчика в том, что надежда — тот ориентир, который всегда должен быть у человека.

Глагол «pflanzen» О. Лойко переводит как «кветкай рэе». У Шиллера мысль выражена более строго: надежда не просто цветет, а прорастает из могилы. Строка «Zu was Besserem sind wir

geboren!» («Для лепшага мы нарадзіліся!») в переводе белорусского поэта наполняется иным, особым смыслом. «Народжаны жыць мы не ў горы» звучит более категорично. Автор как будто еще раз напоминает нам, белорусам, что, несмотря на все испытания, мы должны твердо верить в счастливый исход.

Баллада «Ritter Toggenburg», написанная в 1797 г., занимает в творчестве Шиллера совсем скромное место. Но вместе с тем именно к ней не раз обращались поэты разных культур, чтобы познакомить своего читателя с этой историей. Высоко ценился в русской культуре перевод этой баллады, выполненный В. А. Жуковским. На белорусский язык ее перевели сразу два поэта — Ю. Гаврук и О. Лойко.

С. С. Аверинцев пишет: «Баллада Шиллера живет настроением исторического анекдота — конечно, в старом, вполне почтенном смысле этого слова. Ее цель — не "воскрешение" а воссоздание, и обращается он не к чувству, а к воображению; ее интерес — характерность и конкретность, холодноватая точность детали. Ее герой — не вневременный психологический тип, и уж давно не идеал, а колоритный персонаж истории нравов» [1, с. 158].

Ritter, treue Schwesterliebe
Widmet Euch dies Herz,
Fordert keine andre Liebe,
Denn es macht mir Schmerz [3, с.176].

(Рыцар, вернае сястрынскае каханне / Дорыць Вам гэта сэрца, / Не патрабуйце іншага кахання, / Таму што гэта балюча для мяне. — £ Ш.~)

Посмотрим, как переводят эти строки белорусские поэты:

І нашто, шаноўны рыцар,
Вам любоў мая?
Вашай вернаю сястрыцай
Быць гатова я.
Без гарачнасці імклівай
Дружбу рада мець.
Вашых слёз, тугі маўклівай
Мне не зразумець [4, с. 35].
(*Пераклад Ю. Гаўрука*)

Рыцар, вернаю сястрою
Быць табе дазволь:
Хай не мучыць, хай не кроіць
Сэрца тваё боль.
Марныя твае ўсе крозы
З прагай мяне мець, —
Ціхія тваіх воч слёзы
Мне не зразумець [2, с. 115].
(*Пераклад А. Лойкі*)

Ю. Гаврук интонационно и стилистически крайне близок оригиналу: возлюбленная рыцаря, как и у Шиллера, — высокородная девушка, которая знает, как подобает себя вести. Форма обращения на «Вы» полностью соответствует оригиналу. Надменные ноты звучат в ее речах. В этом плане перевод О. Лойко отличен. Его героиня скорее похожа на добрую простую девушку, чем на надменную представительницу высшего сословия. Как и когда-то в переводе Жуковского, она обращается к рыцарю на «ты», что совершенно меняет наше восприятие всего ее монолога. Вместе с тем обоих переводчиков с автором объединяет следующее обстоятельство: возлюбленная рыцаря — безликая дева. Она мало интересует как Шиллера, так и Гаврука и Лойко. Гораздо больший интерес для них представляет сам рыцарь и его образ.

Рыцарь Тогенбург у Шиллера, собираясь в Святую землю, «посылает за всеми своими людьми (это слово можно перевести еще и как "вассалы". — *£ Ш.*~) в швейцарской земле». Эти строки — точная историческая деталь, легкая отсылка к интонации старинных песен. Рыцарь в белорусских переводах ни за кем не посылает и никого не собирает, об этом даже не упоминается. Он не феодал, но он и не вассал.

Достоверные факты в повествовании важны для Шиллера: он намеренно указывает, что рыцарь отплывает домой именно от берегов Яффы, а не из какого-то другого места. Точные детали придают тексту большую достоверность, уравнивают его драматичность. В переводах Гаврука и Лойко топонимика крестовых походов не имеет столь весомого значения, она не так важна для переводчика (фигурирует лишь название Палестины).

Важно отметить, что Ю. Гаврук в своем переводе вводит символ, характерный для нашей культуры и знакомый каждому белорусу, — *зорку-мілавіцу*. С ней отождествляется образ возлюбленной рыцаря. Она — символ надежды. В последних строках, когда уже читатель узнает о смерти рыцаря, звезда пропадает, и появляется солнце, которое здесь символизирует избавление, конец мучений рыцаря.

В двух белорусских переводах отличается финал. У Ю. Гаврука мы точно знаем, что рыцарь умирает. Причем читатель узнает об этом *post factum*, как бы между прочим: «І калючаю шпышынай / Труп яго зарос, / Свеціць сонца над далінай / З вышыні нябёс» [4, с. 37]. В переводе О. Лойко читатель понимает, что

смерть рыцаря неизбежна. Заканчиваются слова – заканчивается и жизнь героя: «Так і ранкам тым, струпелы, / Ціха ён сядзеў, – / На акно смяртэльна белы, / Бы святы, глядзеў» [2, с. 117].

Как мы видим, белорусские переводы во многом совпадают с оригиналами произведений, передают их настроения, интонации, ритмику (знаменитый немецкий акцентный стих – дольник). Это дает белорусскому читателю возможность погрузиться в художественный мир Ф. Шиллера и почувствовать все то, что пытался передать автор. Но вместе с тем переводчики нередко используют образы, мотивы, близкие нашему народу и культуре, чтобы приблизить произведения к нашей культуре и сделать их еще более понятными белорусам.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Поэты / С. С. Аверинцев. - М.: Языки рус. культуры, 1996. - 364 с.
2. Маланкай жагнаныя: Анталогія нямецкай класічнай рамантычнай паэзіі XIX ст. - Слонім: Слонім. тыпаграфія, 2004. - 320 с.
3. Немецкая поэзия в переводах В. А. Жуковского. - М.: Рудомино; Радуга, 2000. - 623 с.
4. Шылер, Ф. Вершы і балады. Драмы / Ф. Шылер. - Мінск: Магет, літ., 1993.-653 с.
5. Эккерман, И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И. П. Эккерман. - М.: Худож. лит., 1981. - 687 с.
6. Schiller, F. Hoffnung / F. Schiller [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gedichte.levrai.de/gedichte_von/schiller_friedrich_von_schiller_gedichte.htm.

ШВЕДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ: МОТИВ «ПОГРАНИЧНОГО» СОСТОЯНИЯ

Н. Г. Шпаковская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: sagatiden@gmail.com

Статья посвящена феномену пограничья двух культур и его отражению в литературе шведских финнов. Указанный феномен изучается на примере романов Ханнеле Микаелы Таивассало